

Рябова Марина Вадимовна

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК

Статья посвящена анализу культурно-обусловленных переводческих ошибок, выявленных в результате сопоставления текстов оригинала и перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. С. 184-188. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

13. Мочульский К. Кризис воображения: статьи; эссе; портреты // Звено. 1927. № 219. 10 апреля. С. 8-9.
14. Ремизов А. М. Взвихренная Русь. М.: Русская книга - Пушкинский дом, 2000.
15. Тэффи Н. А. В стране Нигде: очерки, воспоминания. М.: Астрель, 2003.
16. Тэффи Н. А. В стране Нигде: публицистика. М.: Молодая гвардия, 1991.

**TO THE QUESTION ABOUT THE HISTORICAL-LITERARY CONTEXT OF I. A. BUNIN'S "DAMNED DAYS":
REVOLUTION AND CULTURE IN THE PUBLICISM OF THE RUSSIANS LIVING ABROAD
AND THE PUBLICISM OF THE MOTHER COUNTRY OF THE 1920S**

Aleksey Nikolayevich Rutskiy

*Department of World Literature
Orenburg State Pedagogical University
ARootsky@mail.ru*

In the article we undertake the attempt to find the optimal historical-literary context of "Damned days". Aldanov's and Adamovich's encyclopedism, Gorky's, Remizov's and Korolenko's spiritual striving, Averchenko's and Teffi's tragical-comical world perception - all this found bright artistic reflection in the publicism of the 1920s and made up, to our mind, the literary context which can help to perceive I. A. Bunin's "Damned days" more deeply and wholly.

Key words and phrases: historical-literary context; mother country; emigration; revolution; culture; intellectuals.

УДК 81'25

Статья посвящена анализу культурно-обусловленных переводческих ошибок, выявленных в результате сопоставления текстов оригинала и перевода.

Ключевые слова и фразы: перевод; культурология; национальный колорит; реалия; фоновые знания.

Марина Вадимовна Рябова

*Кафедра немецкого языка и методики его преподавания
Благовещенский государственный педагогический университет
marina-riabova@rambler.ru*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК©

В отечественном переводоведении большая часть серьезных классических работ относится к лингвистической теории перевода, в то время как сравнительно малое количество фундаментальных исследований носит нелингвистический характер. В зарубежном переводоведении, напротив, появляется все больше работ, посвященных междисциплинарному изучению перевода, который рассматривается как точка пересечения не только лингвистических, но и литературоведческих, культурологических и даже философских проблем.

Анализ научных работ в рамках лингвистического направления показал, что отношение исследователей к культурологическим аспектам перевода долгое время оставалось достаточно противоречивым.

Однако в процессе развития переводческой науки учеными неоднократно упоминалось, что перевод представляет собой не только замену языка, но и функциональную замену элементов культуры: «Переводчику необходимо изучать культуру, быт и нравы народа ИЯ, а также реалии - особенности жизни, быта, государственного устройства, её обычаи, нравы и поверья - всё то, что составляет её самобытность, национальный облик. Незнание реалий ведёт к ошибкам в переводе или лишает перевод национального колорита» [2, с. 7-8].

Реалии принадлежат и языку, и культуре и являются компонентами национальной картины мира, так как приобрели «символическое, эталонное, образно-метафорическое значение» и были зафиксированы в языковых структурах [5, с. 32]. Их основные функции видятся в том, что они наглядно демонстрируют проникновение в язык элементов культуры, а их присутствие в тексте придает ему национальный колорит. Их наличием в тексте обусловлена его страноведческая ценность, которая определяется особенностями восприятия действительности через отраженное в языке мировоззрение автора текста, сложившееся под воздействием различных социальных и культурно-этнических факторов.

Реалии наглядно демонстрируют проникновение в язык элементов культуры, а их присутствие в тексте придает ему национальный колорит. Кроме того, они составляют основу фоновых знаний, необходимых для понимания текста, особенно иноязычного.

Вопрос о роли фоновых знаний в процессе перевода исходного текста является решающим при восприятии переводчиком скрытой внеязыковой информации. Носителями подобной информации могут выступать имена исторических лиц, упоминания исторических событий, различные аллюзии и подтекст. Разумеется, неосведомленность переводчика в данных вопросах приводит к нежелательным искажениям смысла при интерпретации сообщения.

Очевидно, что наличие национально-культурной специфики делает данные единицы ощутимым препятствием для взаимопонимания между представителями различных культур, поэтому переводчику необходимо стремиться ликвидировать существующие языковой и культурный барьеры, чтобы облегчить читателю понимание фрагментов чужой культуры.

На проблему исследования реалий и выявления оптимальных способов их передачи на язык перевода в теории перевода существуют различные точки зрения. Как правило, при разработке классификаций реалий переводоведение использует данные смежных с ним наук (лингвострановедения, лингводидактики). Авторами классификаций являются С. Влахов и С. Флорин, Л. С. Бархударов, Г. Д. Томахин, З. Е. Роганова, В. С. Виноградов и другие ученые.

Так, наиболее развернутая классификация реалий разработана болгарскими исследователями национально-культурной специфики языков С. Ваховым и С. Флориным, заслуга которых видится, прежде всего, в попытке объединить разные подходы к их анализу, в том числе и переводоведческий, поэтому данная языковая единица получила многоаспектное освещение.

В этой классификации реалии распределены как по денотативным, так и по коннотативным значениям, то есть в зависимости от местного (национального, регионального) и временного (исторического) колорита. Наряду с этим учитываются некоторые другие показатели: язык, степень освоенности, распространенность, форма и приемы перевода, способ их выбора. В соответствии с этими принципами классификация состоит из нескольких компонентов:

- предметное деление реалий на географические, этнографические, общественно-политические и военные;
- местное деление реалий в плоскости одного языка на «свои» и «чужие», в плоскости пары языков на внутренние и внешние;
- временное деление реалий на исторические и современные;
- переводческое деление реалий, в зависимости от способа их перевода на иностранный язык [1, с. 51-79].

Заметим, что в классификацию не включены имена собственные, которые, по мнению авторов, в большей степени относятся к безэквивалентной лексике, а не непосредственно к реалиям.

Традиционно к основным проблемам, с которыми неизбежно сталкивается переводчик при передаче реалий, в научной литературе относят отсутствие в переводном языке соответствия реалии, а иногда и обозначаемого реалией объекта, и необходимость передать наряду с предметным значением реалии ее национальную окраску. Обобщив результаты нескольких исследований по практике перевода разных лет, мы выделили следующие способы передачи иностранных реалий на язык перевода:

1. Транскрипция и транслитерация.
2. Неологизм (калькирование, освоение, семантический неологизм).
3. Приближенный перевод (родовидовое соответствие, функциональный аналог, описательный перевод, контекстуальный перевод).

Разумеется, все исследователи указывают как на достоинства, так и недостатки каждого способа.

В редких случаях возможно и устранение реалии, если она не существенна. Особенно трудно сохранить реалию или подобрать ей эквивалент в другой культуре при передаче национально-культурных ассоциаций с определенным предметом, составляющих специфику лексического значения. Безусловно, устранение реалий снижает художественную ценность перевода по сравнению с оригиналом и лишает его национально-культурного колорита, присущего подлиннику [6, с. 132].

С другой стороны, поскольку при передаче реалий наиболее ярко проявляются культурологические факторы, то, как справедливо замечают некоторые исследователи, появление реалий другой страны, иной культурной среды в тексте должно служить «показателем его переводного характера» [7, с. 105]. Поэтому в некоторых переводах оригинальных произведений, специально посвященных описанию инокультурной среды, используется особый стилистический приём для передачи национального колорита, при котором переводческие буквализмы употребляются намеренно и выступают в роли экзотизмов.

Как показывает сопоставительный анализ текстов романов Э. М. Ремарка, Г. Бёлла и Г. Канта и их русскоязычных переводов, именно реалии чаще всего являются источником ошибок при переводе, например:

Ein Mann mit einem Burgundergesicht... starrte mich entrüstet an. - Передо мной стоял человек с лицом бургундца.

Причиной ошибки стала омонимия немецких лексем *Burgunder* («бургундец») и *Burgunder* «бургундское (вино)», которая отсутствует у русских лексем «бургундец» и «бургундское вино»:

Употребив транслему *Burgunder* в сочетании со словом *Gesicht* («лицо»), писатель имел в виду не жителя Бургундии, а необычный цвет лица человека - темно-красный, такой, как бургундское вино.

„Na, das ist nun eine Übertreibung. Sie sind nur voll. Voll wie eine Strandhaubitze.“ - «Не стоит преувеличивать. Просто вы накачались. Как говорится, пьяны в стельку.»

Общеизвестно, что практически в каждой лингвокультуре существует несколько специфических лексем, выражающих отношение общества к пьянству и, в частности, к пьяному человеку (нем. *betrunken sein, berauscht sein, weinselig sein, besoffen sein, zu tief ins Gras gucken, stockbesoffen sein, geladen wie eine Strandkanone sein*). Поэтому разговорно-фамильярной лексической единице *voll wie eine Strandhaubitze sein* («быть вдребезги пьяным») [3, с. 286] в переводе соответствует лексема разговорного стиля «быть пьяным в стельку», тем более что спектр подобных выражений в русском языке весьма велик.

С другой стороны, транслема *voll wie eine Strandhaubitze sein* имеет в своем составе лексему, относящуюся к военной сфере (*Haubitze* - «пушка, гаубица»), и это, по-видимому, можно считать своеобразным ироническим приемом писателя, поскольку из всех имеющихся в немецком языке выражений для обозначения степени опьянения персонажи романа, бывшие солдаты, употребляют именно его. Разумеется, сохранение данного оттенка смысла представляет определенную трудность, ведь аналогичного сравнения в русской лингвокультуре не существует, и в переводе эта специфика не сохранилась.

... fragte er Köster, der ihm am nächsten stand, mit einem Gesicht wie eine Essiggurke. - ... обратился он с уксусной гримасой к стоявшему ближе всех к нему Кестеру.

Транслема *Gesicht wie eine Essiggurke* имеет образное значение. Русская лексема «уксусный» представляет собой буквальный перевод одного из компонентов сложного слова - *Essig-*, для правильного понимания которой читателю необходимы дополнительные ассоциации с данным словом. Наиболее точным и образным русским вербальным соответствием могло быть «с кислой миной», менее образным - «с недовольной гримасой».

Иногда причиной ошибки являлся неправильно подобранный функциональный аналог, например:

Um den Hals hatte es ein weißes Tuch geknüpft, das aussah wie eine Reitkrawatte. - На шее у нее была белая косынка, напоминавшая жабо амазонки.

В словарях, использованных нами для анализа, мы обнаружили несколько лексем для обозначения специфических элементов одежды всадника: «рейтузы» (*die Reithose*), «жокейка» (*die Reitkappe*), «сапог для верховой езды» (*der Reistiefel*). Однако нам не встретилась специальная лексема для детали гардероба, украшающей шею. Следовательно, наличие такой детали вызывает сомнение.

Скомбинированное переводчиком сочетание, состоящее из лексем «жабо» («отделка блузки или платья в виде пышной оборки из легкой ткани или кружев») и «амазонка» («наездница, всадница» или «женское длинное платье для верховой езды»), также не доказывает, что жабо является элементом одежды наездника.

Если обратиться к другому значению лексемы, то данное словосочетание выглядит комично, так как речь не может идти о «представительнице древнего племени женщин-воительниц».

Ich werde wie eine Schnecke schleichen und wie ein Omnibus hupen. - Я буду ползти, как улитка, и гудеть, как сельский автобус.

В современном немецком языке транслема *Omnibus* обозначает автобус. Однако в данном контексте выражение *wie ein Omnibus hupen* носит иронический оттенок, поэтому в оригинале подразумевалось её устаревшее значение, а именно: «многоместная карета, экипаж с местами внутри и снаружи, то есть на крыше, запряженный лошадьми и поддерживавший регулярное сообщение между определенными пунктами, который был вытеснен конкой, трамваем и автобусом».

Вероятно, примитивность данного транспортного средства побудила переводчика выбрать в качестве ответа типичное для русской реальности словосочетание «сельский автобус». Более уместна здесь была бы транслитерация с кратким комментарием.

Подобное искажение смысла наблюдается и при переводе реалии, обозначающей меру веса:

... und schicken Sie ihm einen Butterzettel, sagen wir, für ein halbes Pfund. - И пошли ему талончик на масло, ну, скажем, на двести граммов.

Итак, *ein halbes Pfund* переводится как «двести граммов», хотя на самом деле это составляет 250 граммов. Поскольку в романе идёт речь о сравнительно небогатых людях, для которых лишний грамм имеет значение, такая неточность может существенно повлиять на адекватное понимание текста.

Использование калькирования без пояснений также затрудняет понимание предложения, например:

Die Schwarzwälderuhr tickte. - Мерно тикали шварцвальдские часы.

Очевидно, что большинству читателей ничего неизвестно о том, чем шварцвальдские часы отличаются от обычных часов. Поэтому необходим комментарий, что это часы с кукушкой, или можно было бы опустить прилагательное «шварцвальдские».

Ein verdammtes Lakritzenwasser. - Противная лакричная водичка.

В отличие от своего немецкого аналога, русская лексема не имеет широкого употребления. Более распространён её синоним «солодка (солодковый корень)» (ср.: нем. *Süßholz*), то есть «бобовое растение, из сладковатого корня которого готовят лекарства (например, слабительное или от кашля)», которое «входит в состав ряда лекарственных препаратов, в огнетушительные порошки, жевательный табак, в некоторые напитки (портер, эль)». Очевидно, что незнание свойств этого растения делает непонятным высказывание персонажа, который сравнивает с ним алкогольный напиток.

... und Alois schleppte die Eisbeine, das Sauerkraut und die Salzkartoffeln. - ... и Алоис притащил свиные ножки, квашеную капусту и соленый картофель.

В данном примере калькирование исказило смысл, так как *Salzkartoffeln* - это не солёный, а отварной картофель. Естественно, словосочетание «солёный картофель» вызывает недоумение, потому что создаётся впечатление, что это какое-то особое блюдо.

Не менее сложная ситуация наблюдается, например, при переводе транслемы *Rollmops*, обозначающей филе маринованной сельди, свернутое кольцом и обёрнутое вокруг кусочка огурца или репчатого лука. Его достаточно оригинальное название, употреблявшееся первоначально в Берлине, возникло предположительно из сравнения круглой фигурки мопса с формой блюда [4, с. 824].

Du musst abstrakt denken. Abstrakt ist, wenn du denkst, dass das ebensogut Rollmöpse sein könnten oder Honigkuchen oder Hufnägel, was die da stricken. - Надо мыслить абстрактно. А это знаешь, что значит? Это когда тебе все равно, что они там вяжут - рольмопсы, коврижки или подковы.

Очевидно, что при восприятии лексемы «рольмопс» адресату текста будет сложно понять, что или кто имеется в виду и почему этот предмет ставится в один ряд с коврижками и подковами. Это означает, что он не сможет оценить иронию автора, так как переводчиком был выбран неверный способ перевода. Следовало бы кратко пояснить, что *Rollmops* - это блюдо из маринованной селедки, свернутой кольцом.

Wäre er klug gewesen, hätte er nie den heiligen Gral erobert. - Будь он умен, он никогда не завоевал бы кубок святого Грааля.

Для понимания смысла этого предложения необходимо знать содержание немецкого исторического эпоса «Парцифаль», в котором чудотворная чаша «Святой Грааль» приносит счастье и исцеление от всех болезней его обладателю. Несмотря на лексему *кубок*, которую переводчик добавил в текст романа, предложение не совсем понятно для читателя.

Транскрипция при переводе некоторых персоналий также препятствует достижению желаемого образно-эстетического воздействия, например:

Parzival war dumm. - Парцифаль был глуп.

Данный пример также связан с эпосом «Парцифаль». Если не знать, кто такой Парцифаль, то неясна ирония персонажа по поводу его глупости.

Иногда наблюдалось опущение реалий при переводе, например:

Seitdem Marie mich verlassen hat, um Züpfner, diesen Katholiken, zu heiraten, ... - С тех пор как Мария меня покинула, чтобы выйти замуж за этого деятеля Цюпфнера, ...

Транслема *Katholik* соотносится в русском языке с лексемой «католик», обозначающей лицо, исповедующее данную религию, но в переводе её смысл был полностью утрачен, так как деятелем обычно называют человека, «проявившего себя в какой-либо общественной деятельности». При этом лексема «деятель» сообщает контексту дополнительный эмотивный оттенок «ирония».

Das übrige geben wir einer Speditionsfirma zum Aufbewahren. - Остальное сдадим на хранение.

У читателя вполне закономерно может возникнуть вопрос, куда и кому так легко можно сдать имущество на хранение. Следовательно, опущение данной реалии приводит не только к утрате национального колорита, но и к нарушению смысла, так как *Speditionsfirma* - это особая фирма, которая специализируется на том, что за определённую плату временно хранит товары и мебель своих клиентов.

В ряде случаев неточности перевода, связанные с незнанием традиций другого народа, также приводят к некоторым затруднениям и сомнениям, например:

“Also, was willst du nun, Tee oder Kaffee?”

“Einfach Kaffee, Pat. Ich bin vom Lande”. - «Итак, что же ты хочешь, чай или кофе?»

«Просто кофе, Пат. Я же крестьянин».

Несомненный интерес вызывает информация, что кофе ассоциируется именно с крестьянами. Действительно, в начале XX века в Германии чай стоил дороже, чем кофе, и его могли позволить себе только аристократы. В данном случае необходимы пояснения переводчика.

Ich ging um das Bett herum, nahm den Spiegel und ließ ihn fallen. Er zersprang. - Я обошел кровать, снял со стены зеркало и уронил его. Оно разбилось.

Итак, персонаж нарочно разбивает зеркало, что, согласно русскому суевию, недопустимо, так как разбитое зеркало - к несчастью. Без комментария переводчика читателю непонятно, зачем герой сам себе создает неприятности.

“Spielgeld bringt Handgeld”, sagte Rosa, spuckte darauf und steckte es ein. - «Шальные деньги приносят счастье», - сказала Роза, плюнула на кредитки и сунула их в карман.

Из контекста неясно, зачем героиня плюнула на кредитки. Так как подобная традиция отсутствует в русской культуре, это может вызвать недоумение.

Обобщая вышесказанное, отметим, что для адекватного понимания переводных произведений русскому читателю необходимо обладать обязательным набором фоновых знаний. Наибольшие трудности связаны с так называемыми «тривиальными» фоновыми знаниями, которые воплощаются в этнографических реалиях. Кроме того, определённой культурологической компетенции требуют от адресата текста реалии, имеющие отношение к культурному фонду нации.

Список литературы

1. **Влахов С.** Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин; под ред. Вл. Россельса. М.: Международные отношения, 1980. 352 с.
2. **Левицкая Т. Р.** Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1963. 264 с.
3. **Мальцева Д. Г.** Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache: лингвострановедческий словарь. М.: ООО «Издательство Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. 416 с.
4. **Маркина Л. Г.** Культура Германии: лингвострановедческий словарь: свыше 5000 единиц / Л. Г. Маркина, Е. Н. Муравлёва, Н. В. Муравлёва; под общ. ред. Н. В. Муравлёвой. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. 1181 с.
5. **Маслова В. А.** Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.
6. **Томахин Г. Д.** Перевод как межкультурная коммуникация // Перевод и коммуникация / отв. ред. А. Д. Швейцер, Н. К. Рябцева, А. П. Василевич. М.: ИЯз РАН, 1996. С. 129-137.
7. **Чернов Г. В.** Чем текст перевода отличается от оригинального текста // Перевод и коммуникация / отв. ред. А. Д. Швейцер, Н. К. Рябцева, А. П. Василевич. М.: ИЯз РАН, 1996. С. 102-117.

CULTUROLOGICAL VALUE OF TEXT: THE PROBLEM OF TRANSLATIONAL MISTAKES**Marina Vadimovna Ryabova**

*Department of the German Language and the Technique of its Teaching
Blagoveshchensk State Pedagogical University
marina-riabova@rambler.ru*

The article is devoted to the analysis of culturally-determined translational mistakes revealed as the result of comparing the texts of the original and translation.

Key words and phrases: translation; culturology; national colouring; reality unit; background knowledge.

УДК 82-1

В статье исследуются духовные основания творимого А. Белым поэтического мира; выявляется специфика осмысления художником значимых для него мировоззренческих положений. Особое внимание уделяется связям, существующим между созданной Белым теорией символизма, учением А. Шопенгауэра и доктринами средневековых мистиков.

Ключевые слова и фразы: символизм; система символизма; антисистема; мироотрицание; бездна; мир; ничто; бытие; не-бытие.

Валерия Станиславовна Севастьянова

*Кафедра иностранных языков
Магнитогорский государственный университет
valesel@mail.ru*

«БЕЗДНА» И «МИР» В ПОЭЗИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО (У ИСТОКОВ «СИСТЕМЫ СИМВОЛИЗМА»)©

Развивая концепцию преображения бытия средствами символистского искусства и говоря о символизме как о новом методе постижения мира, А. Белый в своих программных работах определяет вехи пути, ведущего современное искусство к свободному творчеству-познанию жизни. Исходным пунктом этого движения оказывается пессимизм А. Шопенгауэра, откровенно признавший все ужасы бытия, «различием форм познания наглядного, созерцательного, интуитивного от познания мыслящего, отвлеченного и предпочтением, отданным первой форме», обосновавший «в противовес методу логическому метод символический» и превративший мироотрицание в ту вершину, на которую восходит всякий, кто встает над сонностью жизни [4, с. 244]. Позже пассивность должна была смениться активностью, пессимизм должен был уступить место трагизму, мрак - заре. На смену Шопенгауэру призывался Ницше, в чьем творчестве (как позже напишет М. Хайдеггер) шопенгауэровский пессимизм слабости, отрицающий «сущее как таковое в целом», видящий «всюду один только мрак, причину, чтобы ничего не удавалось», сменился пессимизмом силы, который не только «не строит себе ни малейших иллюзий, не желает ничего затушевывать и подмалевывать», но и «аналитически вторгается в явления, требует ясного осознания условий и сил, позволяющих совладать с исторической ситуацией» [13, с. 26].